

УДК 801.3; 81-112.2

АНАЛИЗ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО СОСТАВА РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА

А.В. Ковтун

Тверской государственный университет, Тверь

В статье на фоне общего определения феномена «религиозная картина мира» предлагается рассмотреть структурные особенности последнего. Наряду с этим обосновывается терминологическая правомерность использования терминов «религиозные понятия (категории)» для обозначения базовых элементов данной картины мира. Предложена схема специальных процедур, необходимых для установления базовых значений и смыслового объёма лексем, которые составляют основу различных лингвокультур и служат при этом средством языковой манифестации тех или иных религиозных понятий и категорий.

Ключевые слова: *религиозная картина мира, религиозное понятие, религиозная категория, этимологический и лексико-семантический виды лингвистического анализа лексем, лингвокультурологическая (контекстуальная) интерпретация лексем.*

1. Вводные замечания

Термин «религиозная картина мира» (далее – РКМ) не является новым для представителей отечественной и зарубежной гуманитарной науки: история описания РКМ насчитывает не одну сотню лет и связана с работами таких учёных, философов и богословов, как Августин Блаженный, Фома Аквинский, К. Барт, М. Бубер, священник Сергей Булгаков, Р. Бультман, Д. Бонхоффер, Г. Гегель, У. Джеймс, Э. Жильсон, Л.П. Карсавин, протоиерей Андрей Кураев, Н.О. Лосский, Ж. Маритен, Г. Марсель, Э. Мунье, В.И. Несмелов, Р. Нибур, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, М.М. Тареев, П. Тиллих, П. Тейяр де Шарден, М. Шелер, А. Швейцер, Ф. Шлейермахер, В.С. Соловьёв, священник Павел Флоренский, С.Л. Франк, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др., обычно описывающих данное явление как образно-понятийный комплекс, основанный на убеждении носителей такой картины мира (т.е. верующих) в существовании Сверхъестественного Первоначала, некогда сотворившего мир с его обитателями-людьми и с тех пор принимающего участие в их жизни. Таково наше рабочее определение данного явления, опирающееся на современную религиозноведческую традицию (ср., например, [5]).

Однако мы с сожалением вынуждены признать, что, в отличие от других разделов гуманитарных наук, в современных лингвистике и литературоведении можно выделить сравнительно небольшое количество работ, посвящённых анализу религиозных понятий и категорий – струк-

турообразующих элементов РКМ. В то же время признание «легальности» научного изучения таких феноменов, основанного на альтернативных (т.е. не только строго атеистических) подходах, произошло более 20 лет назад. Соответственно, данная работа мыслится нами как попытка восполнить имеющийся пробел и охарактеризовать *общие признаки структурного состава религиозных понятий (категорий)*, наметив возможные пути *филологического рассмотрения* лексем, которые обозначают данные компоненты РКМ в различных лингвокультурах.

2. Категория, понятие или концепт?

Перед тем как рассмотреть специфические черты таких компонентов РКМ, как религиозные понятия и категории, в первую очередь необходимо обосновать правомерность использования соответствующих терминов, поскольку в своих трудах современные исследователи предпочитают различные варианты: одни учёные (А.В. Сорокина, П.А. Якимов) называют их «концептами», другие (О.А. Макарихина, И.Н. Полонская) – «понятиями», третьи (А.П. Забияко, М.А. Пылаев) предпочитают такое обозначение, как «категория».

Сделаем небольшое отступление. В современной лингвистике получила широкое распространение теория «культурных концептов» (их ещё иногда называют «лингвоспецифичными понятиями»), являющихся «ключевыми» для того или иного языка и культуры. Например, «душа», «свобода», «любовь» и т.д. Представителями указанного направления в филологии являются: С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и другие учёные, их последователи и ученики. Однако нужно согласиться с основателем Тверской школы психолингвистики А.А. Залевской и вслед за ней признать, что и научные концепты, и понятия, и значения являются

«... результатами *целенаправленной реконструкции* продуктов сложного взаимодействия ряда психических процессов, не поддающихся прямому наблюдению и описываемых вербально через опосредованность логико-рациональными рассуждениями. Отсюда следует, что при научном описании концепты (в том числе – «культурные концепты») на самом деле представляют собой конструируемые конструкции. Для строгости использования научной терминологии термин «концепт» вообще не следовало бы применять в подобных целях, закрепив его за случаями, когда речь идет о концепте как достоянии индивида» [3, с. 242].

Соответственно, для обозначения ключевых элементов любой картины мира и РКМ в частности, нам кажется более уместным употребление термина «понятие», либо, что наиболее точно соответствует нашим научным воззрениям, термина «категория».

Напомним, что под «категорией» в философии принято понимать следующее:

«... предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Будучи формами и устойчивыми организующими принципами процесса мышления, К.[атегории] воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме» 9, с. 251)..

В нашем понимании категории являются также *структурообразующими элементами картин мира*, обладающими особой значимостью как для отдельного человека, так и для социума и этноса.

3. Структурные особенности религиозных категорий

Итак, РКМ обладает специфической структурой, элементами которой являются религиозные понятия (категории). При этом хотелось бы подчеркнуть, что для наиболее адекватного описания того или иного религиозного понятия (категории) далее будет необходимо:

«... независимо от отношения к религии как феномену веры (а не позитивного знания), на некоторое время встать на религиозную точку зрения; при нежелании условно согласиться с ней – исследовательский объект исчезает» [2, с. 110].

К числу особенностей каждого элемента РКМ можно отнести следующие.

1. Каждый феномен повседневной действительности так или иначе соотносится с какой-либо сверхъестественной «реалией» – неким имеющим «внечеловеческое» («надэтносоциопсихическое») происхождение элементом РКМ. Сущность данной связи заключается в воссоздании в сознании верующего человека (где данный элемент принимает различные, более конкретные формы) единства мира вещей и людей (тварного, видимого), а также духов (тварного, невидимого) и Бога (нетварного, невидимого).

2. Специфика проявления понятия (категории) в религиозном мировоззрении заключается в соблюдении *принципа соборности* как осознание всеми верующими своего единства перед идеей Божественного, которое кладётся в основу любого вида религиозной деятельности.

3. Данное понятие (категория) также представляет собой своеобразную «схему мыследеятельности» верующего человека. Именно поэтому она тесно связана с такой особенностью религиозного мышления, как *трансценденция*, под которой мы понимаем процесс означивания реалий видимого мира через надделение их характеристиками, представляющими собой проекцию характеристик реалий мира невидимого.

4. Изменчивый характер религиозного мышления (в соответствии со степенью знаний человека о Боге, т.е. Богооткровения и, соответственно, Богопознания) обуславливает качественное «развитие» и вариативность содержания религиозных понятий и категорий.

5. Подчинение законам логики, характерное для научных понятий, несколько не присуще понятиям религиозным (напротив, парадоксальность и иррациональность являются основными свойствами многих религиозных понятий).

6. Наконец, языковой оболочкой религиозных понятий и категорий являются такие лексемы (слова), которые в своей совокупности образуют некий подъязык («сакральный субъязык» – термин В.Ю. Лебедева: [6, с. 25]), «удваивающий» внеязыковую действительность как мир видимый, осязаемо-телесный, и мир невидимый, душевно-духовный.

Таким образом, религиозное понятие (категория) представляется нам феноменом, характеризующимся: а) «сверхчеловеческим» происхождением (иначе говоря, являющимся *теоцентристским* по отношению к человеческой «системе координат»); б) гибкой и многоуровневой структурой, обладающей такими свойствами, как: 1) соборность; 2) трансценденция; 3) иррациональность; 4) двоемирие, и, наконец, в) значимостью для всех верующих. Последнее, в частности, предполагает, что актуальность религиозной категории обусловлена прежде всего тем, что каждый человек, обладающий тем или иным религиозным опытом и использующим его на практике, не может в своей жизни обойтись без ориентации на идеальные образцы жизнедеятельности, в «свёрнутом» виде представленные лексемами, которые являются языковыми манифестациями данных компонентов РКМ («Бог», «церковь» и т.п.).

В целом же, в основе строения и функционирования РКМ лежит определённый принцип, позволяющий адекватно интерпретировать все элементы, входящие в её состав. На этом принципе, получившем название «теоцентризм», строятся соответствующие сознание и мировоззрение носителей указанной картины мира (как определённых групп, так и отдельных людей). Фундаментальной характеристикой теоцентризма является вера в Бога как Творца и Вершителя судеб мира, одним из основных свойств (или «признаков») которого принято считать святость – абсолютное совершенство во всём Творца по отношению к его творению. Именно это свойство Бога положено в основу идеала, к которому должен стремиться любой человек.

4. Схема филологического описания языковых манифестаций религиозных понятий и категорий

Поскольку очень многие понятия или категории в том или ином виде представлены в языке и речи, необходимо хотя бы наметить возможные *пути филологического изучения лингвистических и экстралингвистических манифестаций компонентов РКМ*, без чего данное исследование было бы неполным.

Соответственно, назовём следующие основные этапы филологического описания языковой репрезентации таких категорий с помощью лексем (или групп синонимичных лексем).

1. Собственно *лингвистический анализ*, состоящий из: а) *этимологического разбора* лексемы/группы лексем, использующихся для его обозначения в различных языках мира (в первую очередь речь, конечно же, идет об индоевропейской группе языков как наиболее изученной и описанной), и б) *выявления лексико-семантических связей* в структуре значений данных лексем (здесь можно для начала ограничиться данными одного языка и/или выполнить сопоставление лексических значений лексико-семантических вариантов в ряде близкородственных языков).

Всё это необходимо для того, чтобы выявить основные характеристики семантического ядра (= лексического значения) лексемы (лексем), отображающих данную категорию в том или ином языке.

2. На следующем этапе необходима также *лингвокультурологическая (контекстуальная) интерпретация*, которая позволила бы выявить специфику внеязыковых представлений о данной категории, определенной различными – как лингвистическими, так и экстралингвистическими – средствами в различных лингвокультурах.

С этой целью мы бы рекомендовали включить в этот этап обзор основных контекстов речевого употребления рассмотренных выше лексем, в том числе концепций, связанных с рассмотрением данных понятий и категорий и представленных в различных отраслях человеческого знания. (В таком случае при установлении смыслового объёма религиозных категорий можно было бы учесть не только научные, но и богословские представления, что существенно расширило бы понимание рассматриваемого понятия.)

Названный этап связан с выявлением *контекстуальных особенностей слово- и терминопотребления*, с опорой на которое можно будет описать уже не только ядро лингвистического значения, но и периферию экстралингвистического смысла интересующей нас лексемы (группы лексем).

В качестве примера рассмотрим одну из наиболее важных религиозных категорий христианской картины мира – «любовь».

Представление о любви в христианстве очень сильно отличается от других религий, поскольку здесь названное понятие не столько (и не только) используется для обозначения сильных чувств симпатии и привязанности одного человека к другому, сколько выражает идею всеобщего духовного единения людей перед Богом, который сам является наиболее полным его воплощением (ср. 1 Ин. 4, 7–21).

Однако современные языки часто не способны передать разницу между любовью «земной», мирской и любовью «небесной», духовной (ср. русское слово *любить* и английское *to love*, немецкое *lieben* и фран-

цузское *aimer* – все они обозначают и привязанность человека к человеку, и восторг при лицезрении природы, и гастрономические пристрастия, и преклонение перед Творцом). Ср., например, высказывание по этому поводу известного современного английского писателя и мыслителя К.С. Льюиса:

«В моём поколении детей ещё поправляли, когда мы говорили, что “любим” ягоды; и многие гордятся, что в английском есть два глагола – *love* и *like*... у нас теперь всё чаще говорят про всё: *I love*. Самые педантичные люди то и дело повторяют, что они любят какую-нибудь еду, игру или работу» [7, с. 212],

В то же время древнегреческий язык насчитывает даже не 2, а целых 4 слова, которые на русский переводятся как «любовь»: *agapa*, *phili*, *eros* и *stergos*. Разница между ними применительно к христианской картине мира хорошо показана в источнике [4а, 4б].

Для нас, однако, важно не то, что древние языки оказываются более развитыми по сравнению с современными с лексико-семантической точки зрения, а то, что в христианской религии имеется не одно понятие «любви», а целых три (!) – лексема *eros* в Библии и в богословских и гомилетико-дидактических сочинениях не используется.

Кроме того, нужно здесь же обратить внимание на то, что в русском переводе Библии практически везде встречается лексема *любить* и её производные (см. [8, с. 549–553]). Однако это неправомерно именно в свете нашего упоминания выше о том, что библейское понимание «любви» не равнозначно современному.

Более того, именно это обстоятельство не позволяет понять один очень важный в понимании христианской картины мира эпизод Библии (см. Ин. 21, 15–17), где в оригинале используется два глагола – *agapao* и *phileo*, а в русском только один – *любить*. В результате происходит энтропия сакрального смысла: переданный на древнегреческом диалог между Богочеловеком-Христом и его учеником, апостолом Петром, о большей силе любви Бога к человеку по сравнению с проявлением такого же чувства человека к Богу, но при этом гораздо менее интенсивном (ср. [4а, с. 32]), превращается в банальное «любишь – не любишь».

5. Выводы

Итак, религиозную картину мира можно рассматривать как образно-понятийную систему, каждый элемент которой – религиозное понятие (категория) – обладает набором определённых свойств, отличающихся от научных понятий чётко выраженной теоцентристской установкой.

Религиозные категории можно разделить на 3 группы:

1) категории, относящиеся к различным картинам мира, в том числе и религиозной («человек», «мир», «любовь», «красота» и т.д.);

2) категории, встречающиеся во всех (или почти всех) видах РКМ – христианской, мусульманской, иудаистской (например, «Бог», «вера», «спасение», «святость», «грех» и т.п.);

3) категории, свойственные отдельным видам РКМ (так, только для христианской РКМ характерны такие понятия, как «церковь», «таинство» и некоторые другие).

Далее, для того чтобы выявить смысловой объём того или иного религиозного понятия или категории, нами была предложена схема филологического описания лексем, с помощью которых они отражаются в различных лингвокультурах.

Соответственно, лингвистический анализ (1-й этап) выявляет общие закономерности языковых манифестаций понятий и категорий, что позволяет сделать вывод о *наиболее типичных представлениях* о них (точнее говоря, о лексемах, которые их обозначают), имеющих у носителей языка. В то же время лингвокультурологическое истолкование (2-й этап) даёт основание получить более подробное представление о всех *возможных видах контекстуальной связи данной лексемы с внеязыковой действительностью*, где в полной мере реализуется смысловой объём данных понятий и категорий.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета [Текст]. – М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – 1376 с.
2. Верещагин, Е.М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные исследования [Текст] / Е.М. Верещагин. – М. : Индрик, 2012. – 520 с.
3. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида [Текст] / А.А. Залевская // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. – М. : Гнозис, 2005. – С. 234–244.
4. Козлов М., свящ. «Глаголы любви» в Новом Завете [Текст] / М. Козлов // Альфа и Омега. – М. : 1995а. – № 2(5). – С.21–36; 1995б. – № 3(6). – С.23–38.
5. Коростелева Ю.Е. Религиозная картина мира: Гносеологический анализ [Текст] : дис. ... канд. филос. наук / Ю.Е. Коростелева ; Магнитогорск. гос. ун-т. – Магнитогорск, 2002. – 124 с.
6. Лебедев В.Ю. Метасмысл «двоемирие» как один из ведущих конструктов религиозного освоения мира [Текст] / В.Ю. Лебедев // Понимание как усмотрение и построение смыслов : сб. науч. тр. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1996. – С. 14–20.

7. Льюис К.С. Любовь [Текст] / К.С. Льюис // Льюис, К.С. Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты. – М. : Республика, 1992. – С. 208–262.
8. Симфония на Ветхий и Новый Завет [Текст]. – СПб. : Христианское общество «Библия для всех», 1994. – 1500 с.
9. Спиркин А.Г., Ярошевский, М.Г. Категории [Текст] / А.Г. Спиркин, М.Г. Ярошевский // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – С. 251.

ANALYSIS OF CONCEPTUAL-CATEGORICAL STRUCTURE OF RELIGIOUS WORLD-VIEW

A.V. Kovtun

Tver State University, Tver

Against the background of the general characteristics of «religious world-view» it is proposed to analyze its structural features. In addition, the terminological legitimacy of the term «religious category» as one of the key elements of religious world-view is justified. In the conclusion the scheme of special procedures needed for understanding basic meanings and senses of lexemes is proposed. Such lexemes are the constituents of the basis of different language cultures and manifest the linguistic differences of religious categories.

Key words: *religious world-view, religious concept, religious category, etymological and lexical-semantic types of linguistic analysis of lexemes, lingvo-cultural (contextual) description of lexemes.*

Об авторе:

КОВТУН Алексей Владимирович – специалист по учебно-методической работе Центра развития молодежных волонтерских программ Тверского государственного университета,
e-mail: germenevtica@yahoo.com